

СЕВЕРНЫЕ СЕЛЬКУПЫ: СИСТЕМА ТРАДИЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ В ЗЕРКАЛЕ ОДНОГО ИНТЕРВЬЮ

О.Б. Степанова

Через призму одной беседы с информантом рассматривается система традиционного мировоззрения северных селькупов и выявляются некоторые неизвестные ее элементы. Анализ интервью позволяет сделать вывод о степени сохранности традиционной культуры северных селькупов.

Северные селькупы, традиционное мировоззрение, традиционная культура, фольклорные тексты, обряды, полевые материалы, этнография.

Интервью, о котором пойдет речь, было записано во время экспедиции 2012 г.¹ в селе-фактории Кикки-Акки Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа у селькупа Василия Геннадьевича Морокова, рыбака и охотника, 1971 г. рождения. Записано оно было не мной; когда мы договаривались с В.Г. Мороковым о визите, он отказался давать интервью чужим женщинам, но согласился побеседовать с одним из участников нашей экспедиционной группы — А.С. Кулишом, тоже селькупом, из местных, находящимся с ним в отдаленном родстве. А.С. Кулиш записал интервью на диктофон, и эта запись была положена в «общий котел» собранных тогда нашим отрядом материалов. Информант говорил на русском языке. По возвращении из экспедиции запись была мной расшифрована и сдана вместе с другими материалами в архив Кунсткамеры [АМАЭ РАН, к-1, оп. 2, № 2123].

Беседу с Василием Мороковым я оцениваю как одну из самых информативных за все время моей полевой работы. Темой беседы стали сказки, шаманы, народные приметы, представления о животных. Информант говорил охотно, с интересом, от души, далеко выходя за рамки заданной темы. По качеству и количеству записанной информации можно судить, что В. Мороков, как и его окружение — семья, друзья и соседи, — родную культуру знают хорошо, «живут в своей культуре». Интервью демонстрирует сохранность и преемственность традиционных представлений в народной среде. В беседе с В. Мороковым, как в зеркале, отразилась система традиционных селькупских взглядов на мир, в том числе неизвестных и малоизвестных, что придало беседе особую ценность.

Для легкости комментариев я разбила (без купюр) рассказ Василия Морокова на фрагменты, объединив их тематически. Фрагменты имеют разный объем, но в равной мере показательны.

«Добыли медведя... Обычаи сейчас кто соблюдает... Старшему — шкуру, желчь, по желанию. Кости когда варят, в одну кучу собирают и на рогатине сушат. Кушают, говорят «куук», как вороны. У нас женщине мясо медведя кушать можно — у всех по-разному. Необходимого медведя женщине переступить нельзя, лучше даже не подходить. Обдирают медведя мужчины. Раскидают по запчастям — мясо уже. Потом варят. Гадают на правой отрезанной лапе. Она должна точно упасть когтями вниз. Значит, угадал (имя). Те, кто считает, что лапа должна когтями вверх быть, это неправильно. Шкуру медведя когда потрясешь, пурга поднимается».

В этом фрагменте информант говорит об обряде, связанном с добычей медведя. В прошлом каждый раз, убив медведя (который якобы сам вышел на охотника), селькупы гадали на медвежьей лапе, выясняя, кто из умерших родственников в гости пришел. Потом тушу медведя разделявали и варили, что сопровождалось жестко регламентированными правилами и запретами. Многие сегодняшние селькупы лишь понаслышке знают об этом обычае. Василий Мороков знаком с обрядом в деталях, он, будучи охотником, неукоснительно его соблюдает и знает, как правильно его проводить. В традиционном мировоззрении селькупов представления о родстве человека с медведем, посмертном превращении человека в медведя и еще шире — тоте-

¹ Совместная экспедиция Окружного центра национальных культур ГАУК ЯНАО, Окружного Дома ремесел ГБУК ЯНАО (г. Салехард) и Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург) в Красноселькупский район ЯНАО. Сроки проведения — сентябрь 2012 г. Работа проводилась по проекту «Золотой фонд народной культуры Ямала» в рамках окружной долгосрочной целевой программы «Культура Ямала» (2011–2015 гг.) ЯНАО. Финансирование — бюджет ЯНАО.

мистические представления занимают значительный сегмент: селькупы ведут свое происхождение от животного или от божества-первопредка в обличье этого животного. Животному-предку и частям его тела приписываются магические свойства.

Образ медведя/медведицы — лишь один из длинного ряда мифологических образов селькупских тотемических предков (самый «разработанный», лучше других сохранившийся). Родовыми/племенными тотемными предками селькупы считали (и до сих пор считают, это часто фиксируется во время полевой работы) также орла, глухаря, кедровку, журавля, ворона, лебедя, ястреба, филина [Прокофьева, 1952, с. 90, 106], сороку, сорогу/щуку, окуня, мышь [Степанова, 2008, с. 72, 74], бобра, ворона [Пелих, 1972, с. 113–114], ящерицу, змею [Прокофьева, 1949, с. 346; 1961, с. 58], лягушку [Пелих, 1972, с. 350; Степанова, 2008, с. 31] и т.д. Всем селькупским духам-первопредкам может быть дана следующая характеристика: 1) тотемный дух ведает человеческой судьбой, жизнью и смертью, 2) служит «формой» посмертного, инобытийного состояния человека и образом человеческой души, 3) он — дух-«охранитель» человека и границы миров, также 4) он дух-помощник шамана, 5) всякому духу присущи магические способности, у тотемного духа-предка они имеют особую силу.

Данная характеристика помогает дать комментарии к дальнейшему рассказу В. Морокова: *«По нашему обычаю нельзя убивать только журавля. Это, вроде бы, всех селькупов касается. Это шаманская птица, у нее клюв длинный, может достать из человека болезнь. Орла можно убивать»*. Скорее всего, предки В. Морокова принадлежали к роду Журавля, а не к роду Орла, в противном случае был бы озвучен запрет на убийство орла. О том, что селькупы не убивают орлов, писала еще Е.Д. Прокофьева [1952, с. 98]. Журавль у селькупов, действительно, часто выступал как дух-помощник шаманов, о чем свидетельствуют кованные изображения журавлей на многих шаманских костюмах.

Образ зайца в мифологических представлениях селькупов изучен плохо — по причине скудности известных данных. Следующий пищевой запрет из сообщения В. Морокова говорит о вере селькупов в магические качества зайца и косвенно подтверждает существование в прошлом у селькупов рода Зайца: *«У зайца голову и сердце молодые не едят. Старики могут. Молодым голову не дают, чтобы у их детей заячьей губы не было. Сердце молодым не дают, вот таким отдать — бояться будут, как зайцы»*. Поставить зайца в ряд тотемных предков селькупов позволил сравнительно недавно ставший известным миф о том, как у зайца появилась заячья губа, у лягушки ее — маленькие размеры, а у человека — олени. В этом мифе заяц и лягушка выступают как тотемные предки двух родов/половин народа, дарующие народу культурные блага — олени [Степанова, 2012, с. 6].

Рассказанная В. Мороковым сказка-миф о кукушке очень популярна среди селькупов и много раз фиксировалась исследователями. *«Жила давно женщина, детей пятерых или шестерых имела. Жили-жили. Стареть женщина стала. Заболела, занемогла, слегла. Попросила детей пить принести. Те шумят, играют, ее не слышат. Старшего просила, средних, младших. Те — сама, мол, принеси. Старухой она стала. На нос наперсток надела, чтобы он в клюв превратился, из двуручного скребка, которым кожу выдeldывают, крылья сделала, из круглого скребка — хвост, надела малицу и превратилась в кукушку. Взлетела на дерево. Дети ее звали, но она отказалась к ним вернуться и улетела. Дети бежали за ней с ковшиком воды, хотели дать ей воды, но она не оборачивалась. Дети бежали до тех пор, пока в кровь не изодрались. С тех пор говорят, что красные пятна в чашечках беломошника — это кровь детей бедной женщины. Кукушка до первой грозы прилетит — ягоды будет мало»*. Миф содержит этиологические мотивы и объясняет, как появилась птица кукушка и отчего возникли красные пятна на ягеле. Но если рассмотреть образ кукушки в мифологических представлениях селькупов шире, то окажется, что кукушка — один из образов главного божества селькупов старухи *Илынты кота* — матери-первопредка. Старуха в облике кукушки «весь мир охраняет», ведает человеческим рождением и смертью, устанавливает нормы общественной морали, помогает матерям в воспитании детей, от нее зависит урожай ягод и шишек в лесу [Прокофьева, 1961, с. 56, 61; 1976, с. 118; Степанова, 2008, с. 29]. Отражение всех этих «обязанностей» кукушки можно найти в приведенном мифе.

Кукушка «вместе» со Старухой-первопредком «отвечает» также за профессиональное становление шаманов. Старуха «выдает» шаману первые его инсигнии [Прокофьев, 1930; Прокофьева, 1949], а кукушка участвует в шаманской инициации: *«Убил кукушку, из всех пород деревьев нужно костер сделать, разрезать кукушку на 7 частей и сделать чопсы (шашлык на*

рожках. — О. С.). *Когда съешь, на том же дереве спать ложишься. Тут уже тебе второй контроль нужен, чтобы никуда не убежал. Будет сниться, что тебя, как кукушку, разделяют, режут, тоже на 7 кусков: руки, ноги, голову и т.д. отрезают и выкидывают. У кого голова слабая, тот с ума сойдет. Кто это все выдерживает, становится таким же, как шаман: шаманы раньше себя саблями резали, прокалывали и хоть бы что. И тебе это все уже нипочем будет».* Первая часть этого фрагмента рассказа В. Морокова уже была когда-то записана и опубликована А.В. Головневым [1995, с. 519]. Здесь особую ценность представляет вторая часть. Это недостающая часть краткого варианта селькупского фольклорного текста, описывающего происходящее во время испытания шамана-новичка (хочется надеяться, что когда-нибудь будет записан его полный вариант), — со всеми положенными такому тексту маркерами: сон, смерть, расчленение, помутнение рассудка, проводящий инициацию дух-предок (кукушка), священное дерево, возрождение, обретение особых способностей («легко» умирать и возрождаться). Такие тексты записаны у многих сибирских народов, и теперь, хоть в кратком варианте, такой текст есть и у селькупов!

Содержится ли тотемический мотив в сказке о кедровке, записанной у Василия Морокова, сказать сложно, вероятность этого есть: *«Козыра — кедровка. Медведь по лесу идет, шишки ищет, а шишек нет. Или пустые, съеденные попадают. Поднимает он голову, а там кедровка сидит, шишки клюет. Ни одной полной медведю не оставляет. Он говорит: “Всю жизнь будешь летать с тоненькими ногами, сало на них никогда не нарастет. Сколько шишек ни съешь, не потолстеешь”».* О том, что медведь и кедровка — хорошо известные как селькупам, так и исследователям тотемные животные селькупских родов, уже говорилось выше.

Как показывает полевая работа, у каждого селькупа-информанта имеются свои истории о покойниках, и В. Мороков не является исключением. Несмотря на то что преподносятся эти истории как реально произошедшие, относить их следует к фольклорным текстам мировоззренческого/мифологического содержания. В основе этих текстов лежат традиционные представления о смерти, устройстве и населении «того мира», правилах перехода границы миров. *«В прошлом году с другом Павликом шли из Тольки, и у нас кончилось топливо, недалеко уже от Кикки-Акк. Сошли на берег и пошли пешком. Был вечер, серая погода. Шли, шли, забазарились и не сразу заметили, что мимо кладбища идем. “Как это, помянуть надо же. Давай присядем”. Была банка вместо стакана, пачка сигарет. Налил, плеснул через плечо, как положено. Сигареты заломал, бросил (не прикуривая — сухой мох вокруг). Налил первому, потом Павлику, потом себе, выпили, сидим, курим. Говорю: “Пойдем”. Встали, бычки потоптали. Тут я не понял, — один человек у нас через дорогу прыг, потом за дерево, еще раз за дерево, там показался, сям мигнул. Я Павлику: “Не понял!” Как галлюцинация. Это мы сидели, пили и курили еще с одним! Он с нами сидел. А мы и не заметили сразу. Потом мы в одну сторону, он в другую. Лица, когда он сидел, не видать было. Одет он был по старой моде: в кедах, хэбэшке застиранной, такая энцефалитка темная, конусом, такую одежду мы раньше носили, 70–80-х годов».* В этом рассказе следует обратить внимание на следующие моменты: описываемые события происходили вечером в серую погоду, на кладбище положено соблюдать меры предосторожности — «помянуть» — жертвовать/«кормить», покойник имеет человеческий облик, встреча с покойником произвела сильное впечатление на рассказчика (=напугала его). Согласно традиционным взглядам, кладбище представлялось селькупам иным миром, «тем светом», миром мертвых, где домами умершим служили могилы, где день начинался, когда в мире людей наступала ночь, темнота, тогда мертвые могли выходить из своих «домов». В «том» мире все устроено наоборот, все «испорченное», не как у людей, поэтому, угощая его обитателей сигаретой, ее заламывают. Также портят во время похорон имущество умершего, которое отправляют вместе с ним на тот свет, — одежду и постель разрывают и распарывают, посуду пробивают, нарты ломают и т.д. Страх перед покойниками испытывают все селькупы. Вызван он тем, что покойник/умерший считается лозом (духом), существом уже не этого, а потустороннего мира, он обладает особыми способностями. Умершие, унесшие с собой обиду на людей, «неуспокоенные» умершие могут вредить людям, создавая им угрозу смерти, такую же угрозу могут создавать умершие из любви к своим (живым) близким: они могут увести с собой душу человека, которого любили. По сей день во всех селькупских домах лежит под порогом дома топор, создавая защиту от покойников-лозов. Если в селе несколько «свежих» покойников, защиту дома усиливают ножовкой. *«Уходя с кладбища, “закрывают дорогу” — заламывают, подрубают молодые деревца. Это должен делать мужчина лет 40 или старый, следить за тем, чтобы все ушли, а затем “закрывать дорогу”, — о том, что заламыванием молодого дерева положено*

закрывать границу миров, хорошо известно со слов многих информантов; Василий Мороков добавил к этому факту малоизвестную деталь о поле и возрасте производящего этот ритуал человека. Эту деталь я отношу к совсем неизученной теме «знающих» и «хранителей» у селькупов, беру на заметку и пока не комментирую. В связи с использованием в описанном ритуале дерева, нужно сказать несколько слов о роли дерева в селькупском мировоззрении. Дерево в традиционном мироздании селькупов занимает, в прямом смысле, центральное место: священное/мировое/семикорневое/«с пустым дуплом»/«небесное с поплавками» и т.д. дерево соединяет три мировые сферы — небесную, земную и подземную. От священного дерева зависит жизнь и судьба каждого селькупа — от рождения до смерти включительно. Один из семантических смыслов дерева — это дорога, по которой происходит сообщение между сферами мироздания. В ритуале, совершаемом при уходе с кладбища, дерево, вне сомнения, выступает как дублер дороги из мира мертвых в мир живых. Заламывая или подрубая дерево, символически разрывают, перекрывают, нарушают эту самую дорогу, чтобы предотвратить движение/ попадание покойников в мир живых людей. По материалам Е.Д. Прокофьевой, раньше существовал и другой способ закрывания границы: «сажной головней на тропе проводили черту» [Прокофьева, 1977, с. 74].

Следующая «история» В. Морокова о покойниках, тоже типичная для рассказов информантов, конструирует селькупское устройство «того» света. *«Еще легенда. Слышал, что у туруханских селькупов зимой человек умер. Похоронили. Весной одни шли мимо кладбища, решили зайти помянуть. Табачок тому, тому, тому насыпали. Сами сели у свежей могилки. Слышат — человек кричит. Они к ветке (лодке-долбленке. — О. С.) побежали — нет никого. Обрато пошли. Снова слышат — кричит. Прислушались — крик из свежей могилы идет. Раскопали, все сдернули, гроба крышку сняли. Точно — живой человек встал. Спрашивают: “Курить будешь? — Так ведь вы уже давали мне курить. — Покушаешь? — Я недавно кушал”. Вечерело. Яму закопали. Спать хотят, устали за день. Он говорит: “В ветку ложитесь, я сам поведу, мне видно все”. Поплыли. Тот глухарей х...ит из лука — ночью! Те утром проснулись, местами поменялись: он спит. Они гребут. “Мне темно”, — говорит. Подъехали к его стойбищу. У него там жена, дети. Он: “Предупредите их, что я живой”. Та не поверила. Увидела — точно, живой. Потом он днем спит, ночью охотится, работу по дому делает. Год так жил, потом как обычный человек стал. У нас день, у них там ночь, и наоборот».* «Показательный» смысл этого рассказа заключен в последней фразе: «у них там» все наоборот, не как в мире людей, даже день и ночь свои, «перевернутые». Обращу также внимание на то, что в тексте выделяются исключительные способности того, кто вернулся из другого мира (здесь это охотничий талант), а также на то, что не всегда покойники представляют собой угрозу для живых, часто они используют свои сверхспособности в помощь своим «спасителям». Похожие фольклорные тексты, только с более высоким градусом волшебности потусторонних персонажей, были записаны Г.И. Пелих [1972, с. 327].

Серию рассказов В. Морокова о покойниках продолжает история, где умерший уже не простой человек: *«Раньше старик был. Видно, знал чего-то. Умереть хотел. Наказал: поставьте на помост на семь дней (“подержите на навесе”), сразу не хороните. Умер. А зима, мороз крепкий. Положили его на помост. Семь дней прошло. На седьмой день люди сидят, слышат звук, будто с крыши прыгнул кто-то. Дверь открывают, смотрят, с северной стороны человек идет. А его сразу не надо ловить. Из тальника гибкого кольцо делаешь на палочке. И на шею ему или на руку набрасываешь, чтобы захватить. Теперь его можно хватать, как человека. И этого так поймали. Все, обратно зашел. Гроб раскололи, в печку бросили. Ожил человек. Кто-то скажет, что летаргический сон у него был. Какой сон! Он же неделю на морозе под 60 градусов пролежал! Он при смерти был и увидел, что оживет. Умереть быстрее хотел, говорил, что там лучше живут, там все есть».* Единственная черта портрета этого старика — «знал чего-то», — так у селькупов иносказательно называют шаманов. Особый статус старика отчасти подтверждается и его просьбой о захоронении на помосте (путь и временем) — таким способом селькупы обычно хоронят своих шаманов. В мировоззрении селькупов смерть простого человека — это процесс его перехода из мира живых в мир мертвых и трансформация из состояния «человек» в состояние «умерший/лоз» (к слову, процесс этот имеет многочисленные варианты мифологического выражения). С шаманами все обстоит сложнее: шаман во время посвящения уже пережил смерть, возродился и получил возможность «легко» и незаметно для окружающих многократно умирать и возрождаться, переходя, когда возникала такая необходимость, границу миров в обоих направлениях. Шаманы особенные во всем; даже когда подходит к концу срок их жизни, они могут «узнать», что этот срок им продлили. Природа

шамана — медиатор — получеловек, полулоз. Но данный текст, как мне кажется, не шаманский: он не имеет задачи пояснить или подчеркнуть природу шамана. В нем описываются «обычные» правила перехода границы миров и возвращения из мира мертвых в мир живых людей, просто делается это на шаманском примере (в других подобных фольклорных текстах это делается на примере таких же «непростых» героев). Текст конструирует/объясняет один из элементов картины мира селькупов. Маркерами перехода служат смерть/мороз — возрождение/помост/петля из тальника. Тальниковый прут выступает здесь в роли животворящего/трансформирующего священного дерева и маркирует границу миров (к слову, захват духа/мертвеца кольцом из тальникового прута в фольклоре селькупов встречается очень редко). Не вдаваясь в подробности, скажу, что мировоззрение селькупов в способ захоронения на помосте так же вкладывает смысл последующего возрождения [Головнев, 1995, с. 236]. Как, в конечном счете, и во всякую модель перехода: все они реализуют идею непрерывности бытия и циркуляции жизненного начала во вселенной. И последнее, на что хочу обратить внимание в этом тексте, — дополнение к описанию картины «того» света: *«там лучше живут, там все есть»*.

Два следующих текста из рассказанного Василием Мороковым относятся к самой излюбленной у информантов теме «о подвигах шаманов». *«Шаман бескровно лечит, без раны: прогрызает, высасывает и выплевывает. Дед и отец Кумаров (Тимофея Николаевича и Анатолия Николаевича), шаманами были. Дед — тот, первый самый Кумар, старый. У него еще ружье было с шампуром. На Ватыльку (Ватылька и Каралька — притоки Верхнего Таза. — О. С.) они ходили пешком, летом, — какая лодка тогда. Вот на Ватыльке он сыну своему, отцу Кумаров, лет 18 тому было, до революции еще, случайно почку прострелил, в темноте за медведя принял. Сразу своих людей послал на Каральку, по прямой, летом дело было. Купец он тоже был. Там как раз в тот момент несколько шаманов собралось, трое или четверо. На танец съехались. У них, у шаманов это принято было раньше, такая традиция. Рассказал там все. Шаманы говорят: “Давай, гость, садись чай пить. Завтра поедем. Ничего не случится. Ничего не будет”. Переночевали, отдохнули, на второй день вышли. Приезжают, а парень не умер даже, лежит, как лежал. Давай его лечить. Пулю, пыжи, еще что-то, кровь, гной высосали и выплюнули. Сказали день, когда он встанет. Точно в тот день и встал. Потом он жил, жил, семья у него была. Но, видно, судьба у него такая. Потом он самого себя случайно прострелил, около глаза. Опять шаманов позвали. Те колдовали-колдовали, на ноги опять поставили. Жил он долго, до 70–80-х. Я уже родился, а он все еще жил»*.

«Раньше в Каральке старик-шаман жил. Ему топор понадобился. Раньше на оленях все возили, железо было нужно. Попросил он у одного топор. Тот сказал: “Спляшешь свой танец шаманский, я дам тебе топор”. Старик говорит: “Хорошо, только давай из дома на улицу выйдем”. Вышли они на улицу, старик схватил замороженный топор и топором себя в живот — бац, по самую ручку: “Если вырвешь, заберешь свой топор”. Те вдвоем, вчетвером тянули, не вытянули. Так старик с топором в животе к себе и уехал. А они без топора остались. Потом заточку себе делали, а тогда и брусков-то нормальных не было».

За время полевой работы я выслушала множество подобных рассказов. Нужно отметить неподдельную веру всех без исключения рассказчиков в магическую силу шаманов и в реальность этих историй. Современные рассказы о шаманах по содержанию можно разделить на три основных типа: как шаманы лечили, как шаманы во время похорон защищали родственников умершего, и как шаманы воевали со своими врагами, главным образом с представителями советской власти.

Какой селькупам представлялась шаманская сущность и почему шаман не боялся смерти, я уже описывала выше. К главным шаманским характеристикам добавлю: шаман творил чудеса (выполнял свои функции), входя в контакт с потусторонним миром, миром духов. Делал он это, превращаясь в одного из своих духов-помощников или посылая своих духов-помощников в иные миры с заданием. Все «спасительные» и «карательные» действия производились в невидимом мире и назывались «путешествиями» шамана. В реальном мире был виден только результат. Редкой деталью в первом рассказе является упоминание о том, что шаманы съезжались на совместный танец.

Когда-то каждый селькупский род имел своих шаманов. Интересную информацию сообщил Василий Мороков о том, как в его семье хранятся родовые шаманские вещи: *«Шаманы вещи свои в отдельных лабазах хранят. У нас тоже шаманские вещи есть, только не надо их показывать, это грех. Я даже не знаю, где они. Говорили, но я не знаю уже. Старый умер, так и не показал. У нас вещи не в лабазе лежат, а на рогатине. В вываренную бересту, как в брезент, все хозяйство заворачивают, дерево вот так рушится, как бы тройное, чтобы дер-*

жало. Так веками лежать будет, дождь не страшен. И колокольчик там у нас — рода нашего. Если с чистой душой человек подойдет, подпустит. Если с х..вой душой — нет. Один шел, колокольчик ему телогрейку порвал. Он улетает куда-то вверх, в небеса, если плохой человек пришел. А так нет, лежит на том же месте. Если лежит — люди нормальные пришли. Камлали, видно, много над этим колокольчиком. Но это уже не моя история». О хранении шаманских вещей «на рогатине» мне до сих пор не приходилось ни читать, ни слышать. Обычно шаманские вещи селькупы хранят в нарте, на *поры* (помосте на столбе/столбах) или в лабазе/амбаре/сараяе (также поставленном на двух или четырех столбах), который служит аналогом *поры* и называется *кор*. В помосты, лабазы и «рогатины», как и во все конструкции, поднятые над землей (к таким относятся еще чердаки и помосты, укрепленные на развилках деревьев или между деревьями), селькупы вкладывают смысл верхнего мира. То есть шаманские вещи — они же шаманские духи — принадлежат верхнему миру. Это, в свою очередь, служит знаком бессмертия [Головнев, 1995, с. 236]. Очень интересной мне кажется информация о магической силе колокольчика, который охраняет шаманские инсигнии мороковского рода. По-видимому, колокольчик здесь выступает как шаманский дух. Тема колокольчика в традиционной культуре селькупов еще ждет своего исследователя. Говоря о запрете показывать родовые шаманские вещи, В. Мороков употребил слово «грех», взятое не из селькупского лексикона. Очевидно, он бессознательно соотнес часть смысла этого слова — «запрет/наказание» — с главным, неукоснительно соблюдаемым всеми современными селькупками, строжайшим запретом даже подходить к шаманским вещам. Поскольку, по общему мнению селькупов-информантов, «шаманов больше нет», к вещам, когда-то принадлежавшим шаманам, сегодня может прикасаться, выполнив определенные ритуалы, только старший мужчина в семье, глава рода — «хранитель». Многие семьи предпочли спрятать вещи своих старых шаманов подальше, в глухом лесу, и навсегда забыть к ним дорогу. Такое отношение вызвано представлением об опасности, исходящей от шаманских вещей: в них, как считают селькупы, живут особенно сильные (бессмертные) духи. Селькупы верят, что нарушители запрета обязательно понесут наказание — и свои, и чужие.

Вера в кару духов очень сильна. В полевой работе все время на слуху истории о приезжих, которым приходится расплачиваться за незнание и несоблюдение селькупских запретов. Вот одна из них, рассказанная Василием Мороковым: *«На месте Кикки-Акки, как люди говорят, сперва только склад и магазин был. В чумах люди жили. Первые бригадники появились здесь давно, на лошадях еще. Поехал один такой за дровами и срубил зачем-то (леса, что ли, мало вокруг) листовяк (лиственницу) на краю поселка. Года после этого не прожил».* Поясню, что «бригадники» — это приезжие лесозаготовители, которые работали бригадами. Лиственница на краю села, по-видимому, считалась у местных селькупов священной. В реальном воплощении священные деревья селькупов (используемые для проведения обрядов), как правило, были срубленными и поставленными, но известны и растущие деревья, к которым селькупы относились как к священным. В Кикки-Акках мне рассказывали, что раньше на краю села росла листовенница, которая однажды спасла его жителей от смерти, что якобы об этом есть легенда (текст этой легенды никто из информантов не вспомнил).

С множеством запретов у селькупов связано посещение священных мест. В интервью с В. Мороковым есть описание одного такого места, почитаемого местными жителями. *«Порге Мач — там раньше засольная была, чумы стояли. Рыбаки рассказывали, что по ночам там слышали звуки стойбища: топот всадников на конях, голоса пьяных людей, как у нас. Как рассветало, все — ничего нет, ничего не слышно. Судьбу там проверяют тоже: кто взойдет на гору, долго жить будет. Кому жизнь короткая предписана, тот до середины дойдет, отметку поставит и уходит — ноги отказываются идти наверх. Русские туристы приехали, двое из них хотели бегом добежать. Один человек оттуда откуда-то вышел, мол, попробуйте залезть, и посмотрел на них по-особому. Они испугались. Он потом исчез. На обратном пути те двое даже до Красноселькупа не доехали, оба умерли».* Это место находится на высоком берегу верхнего течения р. Таз ниже впадения в нее р. Ширта. Название *Порге Мач* — Идола Бор — было дано месту в честь «большого» духа, который считался хозяином той земли. Когда-то «по этому духу» было вырезано *порге* — изображение на дереве. В описании *Порге Мач* присутствует картина нижнего мира: внутри горы, в подземном мире, живут такие же люди, как на земле, только день у них наступает ночью. Хозяин подземного мира — тот же дух. Русское название *Порге Мач* — Шаман гора. По рассказам, в давние времена здесь жил великий шаман (или два шамана), который(-ые) после своей смерти превратился(-лись) в медведя(-ей) и в этом обли-

ке продолжает(-ют) следить за порядком в своих владениях. *«На Шаман гору и женщинам подниматься можно. Залез — нормально. Ближайшие 7–10 лет проживешь. Я сам видел, как шаман в обличье медведя прогнал оттуда заночевавших русских туристов: кидал в них палками и камнями»*. Говорят, что в тот год, когда гроб одного из шаманов упал со сгнившего порога (помоста, на котором захоранивают шаманов), «много селькупов поумирало, год был високосным».

Рассказывая о близлежащем священном месте, В. Мороков дважды, не называя, сравнил с ним главное священное место тазовских селькупов — *Лозыль лака* (Священную Сопку), которое находится на *Лозыль-то* — Чертовом озере в среднем течении р. Толька. Фраза рассказчика *«судьбу там проверяют тоже»* подразумевает, что на *Порге Мач* судьбу проверяют так же, как на *Лозыль лака*. Говоря, что *«на Шаман гору и женщинам подниматься можно»*, В. Мороков имел в виду, что этим находящаяся близ устья Ширты Шаман гора отличается от *Лозыль лака*, на вершину которой разрешено подниматься только мужчинам.

Эти два священных места объединены общими чертами: в каждом из них живет большой силы дух — хозяин окрестных земель, этот дух определяет судьбу людей на ближайшие 7 лет и наказывает за нарушение запретов и неуважительное отношение к себе. Особенно хозяева священных мест не любят «русских туристов», т.е. всех чужаков, которые априори не могут соблюдать селькупские традиции. Еще недавно на каждом из этих мест было святилище с жертвенными деревьями, где селькупы приносили жертвы духам.

«Сказку о непослушных детях» в детстве рассказывали всем моим информантам. Василий Мороков пересказал ее не лучшим образом, половину текста он забыл. Но я обещала ничего не вырезать из интервью, тем более что сказка показательная. *«Сказка. Давно мне рассказывали. Жили в одном месте в лесу две семьи. Одна нормальная: как вечер, они спать ложатся. А вторая семья, — им, как говорится, все без разницы. Хоть ночь, хоть что, они еще шустрее становятся. Бегают взад-вперед, туда-сюда, балуются, в общем. Та семья говорит: “Ну, усложнитесь, ночь уже, медведь придет, лоз”. Те: “Нам лозы что, мы его ошпарим или еще что”. Потом первая семья перекаслала, что ли, от них. Им воля стала уже, давай баловаться. Ну этим что... А там речка что ли. С той стороны медведь выходит, говорит: “У-у, у меня голова заболела... У-у, у меня уши аж гудят”. Ну и переплыл он их. Они кричат: “Медведь тонет!” Медведь уже под водой по самую голову. Они все кричат: “Медведь тонет!” Медведь вышел к чуму. “А-а, сейчас мы медведя этого собаками потравим!” Медведь собак побил, к ним зашел, разобрался с ними. А мужики их уехали на охоту. Они возвращаются с охоты, тот, из хорошей семьи, говорит: “Медведь переплыл”. Муж: “Да что с ними случится, они ничего не боятся. Вот мои дети и жена все стоят”. Подъезжают, а это их головы на колышках торчат. Вот почему нельзя баловаться ночью»*. Этот фольклорный текст постулирует нормы поведения в определенной ситуации и моделирует традиционную картину мира: ночью граница потустороннего мира проходит совсем близко — по порогу дома, и даже звуковое нарушение ее связано с опасностью. Второй вариант границы миров из этого текста — река: иной мир лежит по ту сторону реки.

Интересно, что некоторые сюжеты мифологического или волшебного содержания информант пытается представить былью, историями, которые происходили в реальности. *«Старик был, дибиковский прадед (Дибиковы — селькупский род с кетскими корнями. — О. С.). Это быль. С рождения у него нога была, как у слона, не рыхлая, а со сверхсильными мышцами. А другая нога человеческая. Дети у него были, мальчишки. Пойдет, бывало, по дрова, принесет домой листвяк со стволом и комлем, а верхушку в лесу оставит. Детей пошлет верхушку принести. Тем никак. Это он их проверял, есть ли у кого такая возможность. Не было ни у кого. Человек мощный был, как трактор»*. Мне кажется, что подобные тексты отражают способ, механизм народного мифотворчества: реальное лицо в этих историях героизируется, его способности преувеличиваются, и рассказ становится мифологическим текстом, объясняющим какой-либо элемент в системе мировоззрения.

В прошлом каждую весну и осень селькупы устраивали праздничный обряд по случаю прилета и отлета птиц. Это был большой, всенародный праздник. Наиболее полное описание этого праздника есть у А.В. Головнева [1995, с. 244–245]. Частью весеннего праздника был обряд оживления шаманских инсигний, подробнейшим образом рассмотренный в работах Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых [Прокофьев, 1930; Прокофьева, 1949; 1981, с. 67]. По сведениям нынешних информантов, этот праздник давно уже не проводится. Сообщение В. Морокова позволяет предположить, что праздник, возможно, сохраняется до сих пор — в другом масштабе, без комплекса проводимых шаманами ритуалов, но с прежним базовым смыслом благодарения духов за очередное обнов-

Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью

ление природы. «Наш старик имел обычай: первая утка летит, он ее добывает, толпу соберет, праздник сделает. Кружку утиного жира (бульона) в костер выливал — угостить-то огонь нужно». Традиция угощать огонь коренится в анимистическом восприятии мира: в представлениях селькупов дух-огонь имеет образ бабушки [Прокофьева, 1977, с. 79].

В традиционном мировоззрении селькупов одушевляется и такой элемент неживой природы, как ветер: «Наросты на деревьях, спутанные комком ветки — это дом ветра, если зимой морозы сильные стоят, по нему колотят, бьют палкой,— через день-два потеплеет, снежок пойдет». Уверена, народных примет В. Мороков мог бы рассказать и больше, если бы его попросили, но здесь только одна.

Итак, в интервью с Василием Мороковым, как в зеркале, отразилась система традиционных селькупских взглядов на мир. Свойство традиционной культуры — изменчивость, приводящее ее в конечном счете к поглощению другой культурой или унификации. В фиксации и изучении традиционной культуры, а также ее модификаций состоит задача науки. Исторически сложилось, что традиционная культура северных селькупов описана и изучена недостаточно, меньше, чем культуры других сибирских народов. Беседа с В. Мороковым дает надежду, что традиционная культура селькупов жива и сохраняется в довольно полном объеме. В. Мороков также обогатил знание о ней несколькими до сих пор неизвестными науке фрагментами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Полевые материалы О.Б. Степановой: Экспедиционная поездка 01.09.2012–14.09.2012 в Красноселькупский район Тюменской области // АМАЭ РАН. К-1, оп. 2, № 2123.

Литература

- Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 605 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 421 с.
- Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Изв. ЛГУ. Л., 1930. Т. II. С. 365–373.
- Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // СМАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 335–375.
- Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сиб. этногр. сб. М.; Л., 1952. С. 88–107 (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 18).
- Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // СМАЭ. М.; Л., 1961. Т. 20. С. 54–74.
- Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1977. С. 66–79. (СМАЭ; Т. 33).
- Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 42–68.
- Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: Представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 304 с.
- Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов: Полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. Вып. 12. С. 5–31.

Санкт-Петербург, МАЭ РАН
stepanova67@mail.ru, step67@kunstkamera.ru

The article considers a system of traditional world outlook with North Selkups through the prism of a talk with an informant, revealing its certain unknown elements. The analysis of the interview makes it possible to draw a conclusion on the extent of preservation of traditional culture with North Selkups.

North Selkups, traditional world outlook, traditional culture, folklore texts, rites, field materials, ethnography.